

Сегодня исполняется 100 лет со дня рождения Бориса Пастернака

«...ВЕЧНЫЙ ВНЕ ШКОЛ И СИСТЕМ»

С кандидатом филологических наук В. Смирновым беседует наш корреспондент В. Морозов

— Владимир Павлович, на протяжении времени отношение к творчеству Бориса Пастернака переменяло несколько стадий: критическое осуждение, травля, замалчивание, снисходительное признание и, наконец, вознесение.

— Мне кажется, что любое значительное явление, и не только в поэзии, неизбежно рождает оппонентов — и это нормально. Но плохо, когда вместо свободного обсуждения начинают судить поэта, исходя из контекста сугубо политического, партийного, конъюнктурного, — жертвой чего во многом и стал Пастернак. Добавим, что оппоненты его особенно в 50—60-е годы зачастую были люди недостойные, так или иначе себя скомпрометировавшие. Но не будем забывать и о тех, что были людьми в высшей степени достойными. Например, Георгий Викторович Адамович — критик, поэт и эссеист, неоднократно в своих статьях обращался к творчеству Пастернака и высказывал суждения далеко не однозначные.

Владимир Набоков, резко отзывавшийся о «Докторе Живаго», будучи уже известным англоязычным писателем, вдруг пишет на русском языке полупрограмматическое стихотворение «Пастернак» — вроде ни на что не претендующее, но тем не менее...

Его обороты, эпитеты, дикция, стереоскопичность его — Все в нем выдает со стихом Бенедиктова Свое роковое родство.

Датировано стихотворение 22 августа 1970 года.

— Вот как, не знал... Владимир Бенедиктов — поэт прошлого века, не очаровавший, по моему, одного лишь Пушкина.

— Да, дутый гений, которым обольстились многие: Жуковский, Вяземский, Тютчев, Плетнев, Шевырев, молодой Тургенев, молодой Фет. Как свидетельствовал Я. Полонский, «не один Петербург, вся читающая Россия упивалась стихами Бенедиктова». Но, вспыхнув, он быстро погас, как бенгальский огонь: никого не согрел, ничего не осветил. Я не призываю вслед за Набоковым так относиться к Пастернаку, но и не могу предположить, что это не продуманная оценка, а лишь беспричинное злословие.

Неприменно упоминают, что Пастернак подвергался вульгарно-социологической критике, называют имена хулителей — это все безусловная правда. Но одна сторона Большой Правды. Мне кажется, что нам предстоит еще осознать явление Пастернака в контексте всей русской культуры XX века. Не захваливать безбрежно, а взвесить на неких

мировых весах — чего он и сам был крайним сторонником как человек глубочайшей культуры и христианской духовности. Этаким юридический подход в оценке художника — палач и жертва — проясняет биографию, периоды душевного состояния и многое другое, но — не все, часть. Ведь с кем из больших поэтов не случилось того же! Противостояние палача и жертвы видим на примерах жизни Клюева, Есенина, Клычкова, Маяковского, Ахматовой, Мандельштама, Цветаевой — огромный ряд, вплоть до Солженицына. Но поэт, я считаю, противопоставлен злу уже в силу того, что он поэт — выразитель божьего замысла. И коль смотреть глубже, то поэзия — это прежде всего за что, а не против чего...

— Пожалуйста, расшифруйте фразу «взвесить на неких мировых весах».

— Каждая крупная личность существует в своем коротком историческом отрезке времени, но одновременно — во времени вечности. Скажем, тот или иной поэт, творчество которого пришлось на 20—30-е годы, прежде всего сопряжен с этим временем — литературным, общественно-политическим, но он несвободен и от обстоятельств того, как развивалась литература и в этот период, и в предшествующий. С учетом влияния других литератур, других культур. С учетом их взаимосвязи, явлений высшего порядка, с заглядом в будущее, наконец!

— Это крайне сложно.

— Но это нужно для полноты понимания «образа мира, в слове явленного», о котором писал Пастернак. То есть для понимания того, зачем поэт пришел в мир. А связь Пастернака с мировыми культурными ценностями была обширнейшей. Вырос в высокообразованной семье, знал несколько языков, серьезно занимался музыкой — наставником его был сам Скрябин, почти профессионально — философией. Бросается в глаза его чуткость к мировой, и особенно европейской, поэзии. Предстоит осмыслить влияние на него Рильке, поэтов германского романтизма, средневековой Англии, скандинавской суровой прозы и драматургии, понять совершенно особое отношение Пастернака к Льву Толстому — и не только как к художнику, но как к проповеднику и моралисту. Наконец, не будем забывать о поэтической атмосфере, которой он дышал, — о его современниках, что дебютировали примерно в одни годы с ним. Это целый список блистательных имен, тех, которых мы, не устанавливая иерархии, назы-

ваем сегодня «русской поэзией XX века».

— Говоря о прямом влиянии на свое творчество, Пастернак называл имя Иннокентия Анненского. Речь не о живом наставничестве. Он пояснял: «Я находил у Анненского ряд тончайших замечаний, которые подсказывали пути, по которым еще никто не ходил. Что это за пути?»

— Иннокентий Анненский — еще не до конца разгаданный гений. Прежде чем говорить о нем, надо упомянуть о более важном — о русской философской прозе, очень своеобразной, с которой подлинным родством связана проза Анненского. Вот еще одна духовная нить, ведущая к Пастернаку.

Говоря о русской поэзии XX века, Осип Мандельштам сказал о главном ее свойстве — пути секуляризации, обмирщения. Что он имел в виду? На рубеже веков русская поэзия еще должна была постигнуть богатства великой русской социально-психологической прозы XIX века. Вопрос: как? Роман в стихах — это не поэзия и не проза. Перенести прямую повествовательность в стихи — получится рассказ в стихах. Ведь лирическое стихотворение ограничено размерами: оно не может позволить себе такого многолюдья, временного размаха, эпохальности, как роман или повесть. И вот здесь важен грандиозный опыт Иннокентия Анненского, которого называют сейчас предтечей Пастернака, Гумилева, Ахматовой, Мандельштама и некоторых других поэтов. Он первым переоплотил романное пространство в лирико-стихотворное, оставив стихи стихами, лирику лирикой, поэзию поэзией. За счет особого отношения к детали, к вещи, за счет увлечения и внесения в стих психологического жеста. Импрессионизм Пастернака родственен — от слова «род» — импрессионизму Анненского, но при том он совершенно индивидуальный. Чувство вечности мира и передача ее поразительны по точности. Говоря словами Бунина — это «энергическая точность».

...И палое небо с дорог не подобрано.

Это о лужах после большого дождя.

Или, например, о ледоходе:

...И сталкивающихся глыб Скрежежущие пережбы.

Зримость, ясность мира не размыты, а какова музыкальная осязаемость строки при этом! Еще одна из особых примет поэзии Пастернака — необычайно широкий словарь, даже в количественном смысле. Пастернак владеет совершенно разными лексическими пластами, сочетая их с

необычайной легкостью и изяществом. И это не лингвистическое кокетство: вот, мол, какой я мастер! Вещь многообразна и требует точного и емкого определения. В стихотворении «Весна» у Пастернака есть такая строчка:

...Где воздух синь, как узелок с бельем У выписавшего из больницы.

Кстати, строку той же природы найдем у Анненского:

...Солнце желто, как вставший больной.

— В романе «Доктор Живаго» последняя часть состоит из 25 стихотворений и называется «Стихотворения Юрия Живаго». Академик Д. Лихачев в предисловии к публикации романа в «Новом мире» называет их стихами Пастернака. Есть ли какой-то авторский умысел в том, что стихи опубликованы не под фамилией «Пастернак»? Важно ли это было для самого Пастернака?

— Думаю, да. Не случайно Юрий Живаго в романе пишет стихи, не случайно совпадают отдельные биографические черты его и автора романа. Мы прекрасно понимаем, что стихи из семнадцатой части романа написаны поэтом Борисом Пастернаком. Но он не стал публиковать их как свои стихи в приложении к роману. Это и Пастернак, и Живаго! Дистанция здесь есть, и для Пастернака она очень существенна. Возможно, доктор Живаго — это непрожитая жизнь, нереализованная ипостась самого автора.

— В июле 1952 года Борис Леонидович писал Варламу Шаламову: «Из своего я признаю только лучшее (Февраль, достать чернил и плакать... Был утренник, сводило челюсти) и самое позднее, начиная со стихотворений «На разных поездах». О втором сборнике, «Семь моя жизнь», отзывался страшно: «Какие-то свежие ноты были в нескольких стихотворениях». О книге «Темы и вариации» говорил, что она была «шагом против творческой совести», более того — «такой книги не существует». А про «1905 год» и «Лейтенант Шмидт» — «это два сборника, которые я хотел бы забыть». Было ли это возрастной переоценкой или результатом философского осмысления?

— Наверное, и тем, и другим. Но Пастернак всегда слишком строго себя судил. Субъективно он был прав. Его творчество — это путь к аскезе. То, что часто приводят: «Нельзя не впасть к концу, как в ересь, в неслыханную простоту», — это кредо большого мастера. Но, с другой стороны, в этом правильном самоограничении, в духовном и словесном аскетизме он к ранней своей поэзии был излишне суров.

— Каким бы вы хотели видеть отношение к Пастернаку?

— Таким же, каким было отношение самого поэта к Александру Блоку:



Прославленный не по программе И вечный вне школ и систем,

Он не изготовлен руками И нам не навязан никем.

Таким Пастернак и пребывает. Плохо, когда его образ лепили грязные руки. Но хорошо ли, если теперь его лепят руки работорговцев? «Не изготовлен руками» — это как альфа и омега изначального отношения к поэту. Это не право на анархизм, на произвол, на субъективность суждения. Наоборот, это призыв к большей ответственности. Настоящий художник, каким был Борис Пастернак, находится выше материалистического богослужения. Это не означает опять же, что в суждениях о нем надо добавит

скепсиса, яду. Но обожествление мирского — это уже вульгаризация, атеистическо-материалистическая религия.

— А чем вам дорог поэт Борис Пастернак?

— Позвольте себе такую сомнительную сентенцию: нам дороги те, кому дороги мы. Это не эгоизм. И Пастернак мне дорог, как дороги другие поэты, тем, чем я им дорог как личность — во времени или без времени, — как единица бытия, просто как человек. Он — в какой-то мере я несбывшийся. Отнюдь не как поэт. Пастернак во всей его величине и многогранности — это мой опыт, которым я, возможно, и не жил. Иначе зачем же нам поэзия?!

На снимке: Б. Л. Пастернак. Москва, 1923 г.